

Willa Cather

*The Professor's
house*



*Бирюза в серебре, верно?..
Да, бирюза в матовом серебре.*

Луи Марселлус

Яну, потому что он любит повествования

КНИГА ПЕРВАЯ

Семья



I

Переезд совершился. Профессор Сент-Питер остался один в опустевшем доме, где жил со дня свадьбы, где построил карьеру и вырастил двух дочерей. Дом был настолько уродлив, насколько это вообще возможно: квадратный, трехэтажный, выкрашенный в цвет пепла, с крыльцом ровно такой ширины, чтобы стеснять своей узостью, с покатым полом и продавленными ступенями. Ясным сентябрьским утром профессор, медленно обходя гулкие пустые комнаты, задумчиво разглядывал бессмысленные неудобства, которые терпел так долго: слишком крутую лестницу, тесные коридоры, нелепые дубовые каминные полки с массивными круглыми столбами, увенчанными напыщенными деревянными шарами, над облицованными зеленой плиткой каминами.

Кое-какие шаткие ступени или скрипучие половицы в коридоре второго этажа заставляли профес-

сора морщиться по много раз на дню все эти двадцать с лишним лет — но половицы до сих пор скрипели, а ступени шатались. Профессор, мастер на все руки, мог бы легко исправить изъяны, но в доме вечно столько всего требовало ремонта, а времени не хватало. Профессор зашел в кухню, где, пока он плотничал, сменилась целая чередка кухарок, поднялся на второй этаж в ванную комнату, где стояла только крашенная жестяная ванна; краны были такие старые, что ни один слесарь не мог закрутить их достаточно туго, и потому они капали, окно поднималось и опускалось, только если его особым образом трясти, а дверцы стенового шкафа для белья не подходили по размеру. Профессор сочувствовал недовольству дочерей, хоть и не мог согласиться, что ванная должна быть самой привлекательной комнатой в жилье. Золотые годы юности он провел в Версале, в доме, где ванная определенно не была лучшим помещением, и знал немало очень милых людей, которые вообще обходились без нее. Впрочем, как говорила его жена: «Если твоя страна хоть что-то привнесла в цивилизацию, почему бы этим не воспользоваться?» Не раз, погасив лампу в кабинете, профессор облачался в пижаму и отправлялся в ванную комнату, чтобы нанести очередной слой одной из многочисленных красок, которые, если верить рекламе, точь-в-точь имитировали фаянс. Но рекламе верить не стоило.

Профессор в пижаме смотрелся неожиданно приятно: с эстетической точки зрения чем меньше на нем было надето, тем лучше. В любой облегающей одеж-

де сразу становились заметны превосходный костяк тела, узкие бедра и упругие плечи неутомимого пловца. Профессор Сент-Питер родился у озера Мичиган от смешанного брака: он был потомком франко-канадцев по одной линии и американских фермеров по другой, но про него часто говорили, что он похож на испанца. Возможно, потому, что он много бывал в Испании и считался специалистом по определенным периодам испанской истории. У него было продолговатое смуглое лицо с овальным подбородком, который украшала аккуратно подстриженная эспаньолка, похожая на пучок блестящего черного меха. К этим шелковистым, очень черным волосам прилагались золотистая кожа, орлиный нос и глаза, как у ястреба, — карие с золотистыми и зелеными искрами. Сидели они в просторных впадинах, где хватало места для движения, под густыми вьющимися черными бровями, которые резко загибались кверху на концах, как усы военного. За эти дьявольские брови студенты прозвали его Мефистофелем — и невозможно было укрыться от пронзительного взгляда расположенных под ними глаз, способных вмиг выхватить из толпы друга или незнакомца. Глаза не утратили огня, хотя их владелец уже чувствовал, что его пыл несколько угасает.

Кэтлин, дочь профессора, нарисовавшая несколько удачных этюдов с отца акварелью, как-то сказала:

— Папу по-настоящему красивым делает рельеф головы между верхом уха и макушкой; это лучшее, что в нем есть.

Эта часть головы профессора была высокой, отполированной, твердой, как бронза, и густые черные волосы отбрасывали продолговатый блик на длинный округлый выступ, где череп выдавался сильнее всего. Форма головы, если смотреть сбоку, была настолько индивидуальной и четкой, настолько далекой от случайности, что больше подошла бы статуе, чем живому человеку.

Случайно увидев из одного ободранного окна сад за домом, профессор, привлеченный отрядным зрелищем, сбежал по лестнице и вышел, спасаясь от пыльного воздуха и резкого света опустевших комнат.

Огороженный стеной сад был утехой его жизни — и единственным яблоком раздора между ним и ближними. Профессор начал создавать сад вскоре после рождения первого ребенка, когда жена стала неразумно обижаться на то, что он проводит столько времени на озере и на теннисном корте. В этом начинании он получил помощь и поддержку от домовладельца, ушедшего на покой немца-фермера, добродушного и снисходительного ко всему, кроме трат. Если у профессора рождался ребенок, или намечался прием для коллег по университету, или кто-то в семье болел, или случались какие-то непредвиденные расходы, Аппельхофф терпеливо ждал квартплату; но платить за ремонт отказывался наотрез. Однако в том, что касалось сада, старик иногда шел на уступки. Помогал жильцу семенами и саженцами, дельными советами и сам гнул старую больную спину.

Даже потратил немного денег, взяв на себя половину расходов на оштукатуренную стену.

Профессору удалось создать в Гамильтоне французский сад. Ни одной травинки; аккуратный участок в пол-акра с блестящим гравием, глянцевыми кустами и яркими цветами. Были тут, конечно, и деревья: раскидистый конский каштан, ряд стройных ломбардских тополей вдоль побеленной дальней стены, а посередине две симметричные липы с круглыми кронами. По углам разрослась ежевика, колючие стебли переплелись, и эта масса была подстрижена так, что по форме напоминала большие кусты. На грядке росла зелень для кухни. Со стены свисала лососево-розовая герань. Бархатцы и георгины сейчас были в самом расцвете — георгины профессора не имели себе равных в Гамильтоне. Сент-Питер ухаживал за этим клочком земли больше двадцати лет и добился полного над ним господства. Весной, когда в профессоре просыпалась тоска по иным странам и его терзало бремя несбывшегося, он изживал свое недовольство, работая в саду. На долгое жаркое лето, когда профессор не мог уехать за границу, он отправлял жену и дочерей в Колорадо, подальше от влажной жары прерий, столь благоприятной для пшеницы и кукурузы и столь изнурительной для людей, и оставался дома наедине со своим садом. В такие месяцы, вновь становясь холостяком, он приносил сюда книги и бумаги и работал в шезлонге под липами; завтракал, обедал и пил чай

в саду. И именно здесь они с Томом Броди часто сидели и беседовали допоздна теплыми, мягкими ночами.

Однако этим сентябрьским утром Сент-Питер понимал, что не сможет избежать неприятных перемен и спрятаться от них, мешкая среди осенних цветов. Надо собраться с духом и привыкнуть к мысли, что под рабочим кабинетом — мертвый пустой дом. Сорвав цветок герани и держа его в руке, профессор решительно поднялся на два пролета лестницы, на третий этаж, где под скатом мансардной крыши находилась единственная в доме комната, в которой еще оставалась мебель — если, конечно, это можно было назвать мебелью.

Низкий потолок спускался с трех сторон, а на восточной стороне этот скат прерывался единственным квадратным окном на петлях, которое распахивалось наружу и удерживалось крючком, привинченным к подоконнику. Других отверстий для света и воздуха в комнате не было. Стены и потолок покрывали желтые обои, когда-то очень безобразные, но теперь выцветшие до безобидной нейтральности. Истертая циновка на полу царапалась. У стены стоял старый ореховый стол с одной поднятой створкой, покрытый аккуратными стопками бумаг. Перед ним — конторский стул на винтовом основании, с плетеной ротанговой спинкой. Эта темная берлога много лет служила профессору кабинетом.

Внизу, рядом с задней гостиной, у профессора был парадный кабинет с просторными полками, где

располагалась библиотека, и подобающим столом, за которым он писал письма. Но только для вида. По-настоящему профессор работал здесь. И не он один. Три недели осенью и три весной он делил каморку с Августой, швеей, племянницей хозяина дома, надежной методичной старой девицей, немкой-католичкой, очень набожной.

Поскольку Августа заканчивала работу в пять часов, а профессор в будни работал здесь только по вечерам, они особенно друг другу не мешали. К тому же каждый из них старался уважать интересы другого. Вечером, прежде чем уйти, Августа непременно подметала обрезки с пола, скатывала выкройку, закрывала швейную машинку и собирала обрывки ниток с сундука-лежанки, чтобы они не прилипали к домашней куртке профессора, если тому вдруг вздумается прилечь во время работы.

Сент-Питер, в свою очередь, гася лампу за полночь, старательно убирал пепел и крошки табака — Августа терпеть не могла курение — и открывал окно как можно шире, на второй крючок, чтобы ночной ветер получше выветрил запах. Впрочем, недошитые платья, которые Августа оставляла на манекенах, часто так пропитывались дымом, что профессор знал — ей будет трудно работать над ними на следующее утро.

Эти манекены служили поводом для множества шуток между Августой и профессором. Тот, который швея именовала «бюстом», стоял в самом тем-

ном углу комнаты на высоком деревянном сундуке, где хранились одеяла и зимняя одежда. Это был безголовый, безрукий женский торс, обтянутый прочной черной тканью и настолько роскошно развитый в той части, по которой был назван, что профессор однажды объяснил Августе: называя его так, она следует естественному закону языка, именуемому для удобства метонимией. Августе нравилось, когда профессор позволял себе рискованные шутки, поскольку она была уверена в его глубокой деликатности. Неживая фигура выглядела такой пышной и волнующей, так звала приклонить голову на мягкое колыхание и навсегда обрести покой, но все попытки неизменно кончались ужасным разочарованием. Поверхность оказывалась на редкость неприветливой. Она была твердая не как дерево — оно отзывается на удар живой вибрацией и что-то говорит руке — и не как войлок — он впитывает что-то из пальцев. Это была мертвая, непроницаемая, комковатая твердость, подобная засохшей замазке или плотно спрессованным опилкам — она чудовищно разочаровывала на ощупь, но почему-то обманывала снова и снова. И сколько бы раз профессор ни натыкался на этот торс, ему все не верилось, что прикосновение окажется таким неприятным.

Вторая форма была обозначена более откровенно: женская фигура в полный рост в элегантной проволочной юбке, с аккуратной металлической талией. Ног у нее совершенно очевидно не было, вну-

тренностей за блестящими ребрами — тоже, а грудь напоминала прочную проволочную птичью клетку. Но Сент-Питер утверждал, что у нее есть нервная система. Когда Августа оставляла новое бальное платье Розамунды или Кэтлин на манекене на ночь, тот часто принимал бойкий, озорной вид, словно собираясь выскочить на улицу, чтобы поразить всех своим видом легкомысленного, ветреного, *folle*¹ создания. Казалось, проволочная дама вот-вот сбежит вниз по лестнице или застынет на цыпочках в ожидании вальса. Порой она была весьма убедительна в роли женщины легкого поведения, но Сент-Питера не проведешь. У него были свои слепые пятна, но представительницы подобного типа его никогда не обманывали!

Августа почему-то решила, что эти манекены — неподобающая компания для ученого, и периодически извинялась за их присутствие, когда приходила обосноваться и отработать положенное время в доме.

— Ничего подобного, Августа, — не раз говорил профессор. — Если они были достаточно хороши для господина Бержере², то, несомненно, достаточно хороши и для меня.

Сегодня утром, когда Сент-Питер сидел в рабочем кресле, задумчиво глядя на стопку бумаг перед

¹ Сумасбродного (*фр.*).

² Отсылка к рассказу Анатоля Франса «Ивовый манекен», в сюжете которого много совпадений с «Домом профессора».

собой, дверь открылась, и за ней обнаружилась сама Августа. Как удивительно, что он не услышал ее тяжелую, решительную поступь на теперь уже не устланной ковром лестнице!

— Ах, профессор Сент-Питер! Не думала застать вас здесь, а то бы постучала. Видно, придется нам переезжать вместе.

Сент-Питер встал — Августу всегда чаровали его галантные манеры, — но предложил ей стул от швейной машинки, а сам вернулся на место.

— Присядьте, Августа, и обсудим. Я пока не переезжаю — не хочу перемешать все свои бумаги. Остаюсь тут, пока не закончу писать. Я говорил с вашим дядей. Буду работать тут, а питаться в новом доме. Но это конфиденциально. Если пойдут слухи, люди могут подумать, что мы с миссис Сент-Питер... как это называется... разошлись, расстались?

Августа опустила глаза со снисходительной улыбкой.

— Думаю, люди вашего положения сказали бы «разъединились».

— Именно; и какой точный научный термин. Но ничего такого не случилось. Просто я буду писать тут еще какое-то время.

— Хорошо, господин профессор. И теперь я не буду все время вам мешать. В новом доме у вас прекрасный кабинет внизу, а у меня светлая просторная комната на третьем этаже.

— Где не будет пахнуть табаком, а?

— О, профессор, меня это никогда по-настоящему не беспокоило! — искренне воскликнула Августа. Встала и обхватила черный бюст длинными руками.

Профессор тоже вскочил:

— Что вы делаете?

Она рассмеялась.

— Понимаете, я же не потащу их по улице! Пришел с тележкой мальчик из бакалейной лавки, он их перевезет.

— Перевезет?

— Да, профессор, в новый дом. Я пришла на неделю раньше обычного, чтобы сшить занавески и подрубить белье для миссис Сент-Питер. Заберу сегодня утром все, кроме швейной машинки — она слишком тяжелая для тележки, так что мальчик вернется за ней с фургоном. Не откроете ли дверь, будьте так добры?

— Нет, не открою! Ни в коем случае. Занавесками вы можете заниматься и без манекенов. Никаких перемен не должно быть, раз я собираюсь здесь работать. Пускай заберет швейную машинку, да. Но даму поставьте обратно на сундук, на законное место, пожалуйста. Она там живет. — Сент-Питер подошел к двери и загородил ее спиной.

Августа оперла ношу о край сундука.

— Но на следующей неделе я буду шить одежду для миссис Сент-Питер, и манекены мне понадобятся. Раз уж мальчик здесь, пускай отвезет их на тележке, — примирительно сказала она.